

ГЕНИЙ *Танца*

Смысл балета, его поэзия и «философия» состоят в том, чтобы показать человека в самом прекрасном, совершенном, возвышенном воплощении. Искусство классического балета это, может быть, прежде всего искусство раскрывать красоту и гармоничность человеческой природы.

Почему люди бывают так счастливы, увидев Галину Уланову на сцене? Да потому, что перед ними живое воплощение чистоты, нежности, света, какими только может сиять человеческая душа. И еще потому, что они чувствуют в этом хрупком и прекрасном существе силу мужества, способную защитить этот свой внутренний свет, свою любовь и надежду...

Эта внутренняя цельность, сила и стойкость в отстаивании идеалов гуманизма делают Уланову истинно современным, истинно советским художником.

Галина Уланова стала самой замечательной балериной нашего времени, ибо она постигла самую душу, смысл своего искусства, своего призвания. Уланова продолжила великую традицию русской хореографии, которая всегда была искусством содержательным и возвышенным. Знаменитая Анна Павлова считала, что тайна ее всемирного успеха заключалась в том, что она всегда добивалась подчинения физического начала танца духовному. И Уланова стремится в танце выразить, говоря словами Станиславского, «жизнь человеческого духа». Это и придает ее искусству мудрость и глубину, особое обаяние «женственной человечности».

Но если Анна Павлова, ограниченная репертуаром своего времени, могла искать воплощения сложных и глубоких чувств только в условных, чаще всего сказочных образах старых классических балетов или в хореографических миниатюрах («Умиравший лебедь» и другие), то Уланова стала исполнительницей партий Джульетты в балете Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта», Корали в «Утраченных иллюзиях», Марии в «Бахчисарайском фонтане» Бориса Асафьева. Она искала вдохновения в произведениях Пушкина, Шекспира, Бальзака. Ее безмолвная, поднимающаяся на пунтах Джульетта вошла в летопись лучших сценических воплощений Шекспира.

Уланова — актриса большой трагедии в балете, умеющая передавать в танце сложнейшие и напряженнейшие драматические коллизии. Она поражает не только и не столько силой техники, сколько силой мысли и чувства, хотя техника ее совершенна. Ее любимый композитор Чайковский писал: «...Мне кажется, что я действительно одарен свойством *правдиво, искренне и просто* выражать музыкой те чувства и настроения, на которые наводит текст. В этом смысле я *реалист* и коренной русский человек».

Может быть, Уланова танцует «Лебединое озеро» с таким совершенством именно потому, что она тоже одарена свойством *правдиво, искренне и просто* выражать в танце человеческие чувства и настроения. И в этом смысле она актриса реалистического направления в балете, настоящая *русская* балерина.

Уланова нашла точную пропорцию между естественной драматической выразительностью жеста и условной красотой движений балетной классики. Она умеет, ни в чем не нарушая чистоты сложных хореографических каденций и фиоритур, наполнить их поэтическим настроением, вложить в них выразительность внутреннего лиризма.

Причем, надо сказать, что Уланова пользуется мимикой, может быть, даже меньше, чем другие артисты балета; мимическая партитура ее ролей строго сочетается с выразительностью тела, танца, одно дополняет другое, сливаясь в неразрывное целое. Здесь сказывается чувство меры, гармонии, не допускающее никаких излишеств, никакого перевеса одних средств выразительности за счет других.

Мало кто из балерин так бережно относится к хореографическому «тексту» своих партий, к мельчайшим особенностям стиля танцевального рисунка. Она ничего не «проговаривает скороговоркой», а добивается абсолютной законченности каждого танцевального движения.

Дело не только в том, что Уланова с терпением и вкусом тщательно отделяет, отшлифовывает самые мелкие па, но и в том, что они у нее незаметно и плавно переходят одно в другое, сливаясь в единую линию или мелодию танца, так что трудно бывает уловить, где кончается одно движение и начинается другое.

Во время зарубежных гастролей Уланову величали прима-балериной Большого театра. Конечно, Уланова — величайшая балерина мира, но ее величие в том и состоит, что ей удивительно не подходит титул прима. У нее нет импозантности, апломба и горделивой осанки. Ее выходы, манеры, движения исполнены удивительной скромности. Никакой игры «на публику». Она может появиться на сцене незаметно, захваченная внутренней задачей и состоянием образа.

Она никогда не выходит на сцену прославленной, блистательной прима-балериной, а выбегает юной Джульеттой, простодушной Жизелью, счастливой Марией...

Уланова очень много работает, но не для того, чтобы блеснуть, удивить, продемонстрировать свою технику, а словно для того, чтобы скрыть ее, сделать незаметной, добиться непринужденности и простоты танца. Вот почему иногда можно не заметить чистоты ее техники, не оценить преодоленных ею трудностей — кажется, что всё это так просто, легко и естественно.

Французский писатель Морис Дрюон в своем письме к Улановой назвал ее «гением танца». С этим нельзя не согласиться.

Гений танца... Я не берусь объяснить, что это такое, хотя думаю, что в этом понятии гармонично слились природный дар и самоотверженный труд, пластическая красота и тонкий ум актрисы, целеустремленность художника и благородство человеческой личности.

Б. Львов-Анохин

